

## СУДЬБЫ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ

ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА КРИВОШЕИНА \*

Как мы представляем себе деятельность наших научных обществ? Заседания, съезды, выборы руководящих органов, издание трудов, обмен литературой с другими научными обществами, сбор членских взносов, а если общество достаточно богатое, присуждение премий и грантов. Обычная бюрократическая активность организаций, формально общественных, но на деле служащих для идеологического и государственного контроля науки и ученых. Неудивительно, что она не вызывала особого интереса у отечественных историков науки, а немногочисленные посвященные российским научным обществам труды<sup>1</sup> содержали, помимо общих рассуждений о прогрессивной роли обществ и кратких экскурсов в историю их создания, перечень известных членов обществ, биографии их руководителей и краткое изложение наиболее значимых докладов, сделанных на их заседаниях и съездах. Лишь в последние несколько десятилетий отечественные исследователи (как гражданские историки, так и историки науки) начинают постепенно переосмысливать роль и значение научных ассоциаций не только в научной, но и в общественной жизни России<sup>2</sup>. Важным вкладом в развитие этой проблематики в нашей стране является издание русского перевода книги американского историка Дж. Брэдли «Общественные организации в царской России»<sup>3</sup>.

Джозеф Брэдли – профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США). Он специализируется в области социальной и культурной истории

---

\* Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14. E-mail: krivosheina@gmail.com.

<sup>1</sup> См., например: *Литвиц С. Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1840) (исторический очерк). М.: МОИП, 1940; *Варсанофьева В. А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во МГУ, 1955; *Козлов В. В.* Очерки истории химических обществ СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества СССР (1917–1941 гг.): учебное пособие. М.: МГИАИ, 1976.

<sup>2</sup> *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, 1983; *Степанский А. Д.* История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1987; *Бастракова М. С., Павлова Г. Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века / Ред. Л. В. Кошман. М.: Изд-во МГУ, 2000. Т. 2. С. 329–394; *Бастракова М. С., Павлова Г. Е.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Очерки русской культуры XIX века... М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 3. С. 252–307; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVI – начале XX в. / Ред. А. С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011.

<sup>3</sup> *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. Это русский перевод книги, вышедшей в 2009 г. (*Bradley, J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2009).

дореволюционной России, хорошо знает русский язык и регулярно приезжает в Россию, чтобы поработать в российских архивах и библиотеках. Идея изучения общественных организаций в царской России возникла у него около четверти века тому назад, на волне повсеместного возрождения интереса к концепции гражданского общества как альтернативе этатизму авторитарных режимов. Как он сам вспоминает: «В те времена (в конце 1980-х гг. — Г. К.) историки в Советском Союзе и за его пределами искали альтернативы, или полезное прошлое, пытались возродить исследования прошлого, которое долго замалчивалось и игнорировалось, темы, группировавшиеся вокруг альтернатив сталинизму или ленинизму» (с. 17). Однако, по мнению автора, ученые (как российские, так и западные) уделяли слишком много внимания конфронтации государства и общества в России, сосредоточившись на революционном движении и установлении советской власти, т. е. замене одного авторитарного государства другим. При этом они принимали как данность отсутствие в политической культуре царской России стремления и способности к проявлению частной (т. е. не контролируемой государством) инициативы и к самоорганизации, а значит, и возможности для развития гражданского общества.

Брэдли, напротив, полагает, что гражданское общество в дореволюционной России существовало, причем «до начала XX в. отношения между государством и гражданским обществом в большинстве случаев характеризовались взаимодействием, а не столкновением интересов» (с. 23). Доказательство этому он нашел в деятельности многочисленных общественных ассоциаций, в том числе научных и научно-просветительских: «Начиная со второй половины XVIII в. россияне заселяли растущую общественную сферу обществами, заимствованными из модели эпохи Просвещения. Благодаря задачам ученых обществ российское гражданское общество было тесно связано с патриотизмом и с распространением научного знания. Научные ассоциации поднимали уровень общественного сознания, предоставляя возможность людям, объединенным групповыми интересами, выйти на общественную арену [...] Ассоциации создавали и поддерживали пространство общественной инициативы и самодеятельности, которое способствовало переходу от пассивности подданного к активности гражданина» (с. 22–23). В этом смысле Россия, по его мнению, не так сильно отличалась от Европы, как это принято считать, и «русские научные общества оказались способными реализовывать проекты и осуществлять те же цели, что их коллеги в странах Европы и Северной Америки» (с. 428).

В качестве объектов своего исследования автор книги выбрал семь научных обществ: Вольное экономическое общество (ВЭО), основанное в 1765 г. при участии и под покровительством Екатерины II; Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), созданное в 1819 г. под председательством князя Д. В. Голицына, который вскоре был назначен военным генерал-губернатором Москвы; Русское географическое общество (РГО), организованное в 1845 г. по инициативе знаменитых русских путешественников, крупных чиновников военно-морского ведомства и членов Петербургской академии наук; Общество истории и древностей российских, открытое при Московском университете в 1804 г. по инициативе попечителя Московского учебного округа

М. Н. Муравьева и три пореформенных общества: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ, 1863) <sup>4</sup>, Русское техническое общество (РТО, 1867) и Общество русских врачей им. Н. И. Пирогова (1883). Главная задача, которую поставил перед собой автор, – на примере этих обществ показать, как на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. в условиях авторитарного государства в России формировались общественные организации, составившие ядро гражданского общества, как менялись их взаимоотношения с государством, трансформируясь от сотрудничества к конфронтации, как их задачи и цели соотносились с экономическими и культурными потребностями страны и почему эти частные общественные организации не смогли стать активной политической силой и потерпели поражение в борьбе с государственной политической системой.

И хотя книга ориентирована на специалистов в области социально-политической истории, историки науки найдут в ней много полезных сведений, связанных с деятельностью перечисленных выше научных обществ. Это тем более интересно, что автор базирует свое исследование на документальных источниках и, проводя параллели между русскими и европейскими научными обществами, широко цитирует работы западных авторов, далеко не все из которых известны в нашей стране.

Однако для историка науки в этом труде найдется нечто большее. Во-первых, убедительная демонстрация того факта, что научные общества в царской России не были просто формальными институциями, где профессиональные ученые отчитывались о проведенной работе и обсуждали научные проблемы с избранным кругом ученых-любителей и высокопоставленными меценатами. Это были полноценные научные институты, включенные как в структуру науки и образования, так и в социальную и культурную жизнь страны, живо откликавшиеся на новые вызовы, занимавшиеся распространением научных и технических знаний и способные даже без поддержки государства, собственными силами, реализовывать масштабные научные и просветительские проекты.

Во-вторых, интересным кажется тезис автора о противостоянии общественных ассоциаций и революционной (либеральной и радикальной) интеллигенции, которая «стремилась свести на нет малые дела добровольных общественных организаций, особенно санкционированных правительством, во имя “великой борьбы” против власти помещиков и дворян» (с. 28). По крайней мере он делает более понятными некоторые трудно объяснимые эпизоды из истории российской науки XIX в. Возьмем для примера ОЛЕАЭ и его создателя, профессора зоологии Московского университета Анатолия Петровича Богданова (1834–1896), деятельности которого в книге уделено достаточное внимание. Много лет назад, когда я только начала изучать биографию Богданова, меня заинтересовал вопрос, почему некоторые известные либеральные ученые активно выступали против Богданова? <sup>5</sup> Отчасти критику, исходив-

<sup>4</sup> Общество считало датой своего рождения 15 октября 1863 г., однако официально его устав был утвержден в марте 1864 г.

<sup>5</sup> Об этом см.: *Кривошеина Г. Г.* Либералы и консерваторы в Московском университете (к истории естествознания в России второй половины XIX в.) // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. М.: Компания Спутник+, 2004. Вып. 2. С. 139–162.

шую из Петербурга, можно было бы объяснить традиционным соперничеством двух столиц, но как быть с либеральными критиками из Москвы? Почему они противодействовали либеральной программе Богданова и его соратников по ОЛЕАЭ, направленной на просвещение народа и распространение научных знаний?

Исследования советского периода ясности также не приносили. Авторы немногочисленных посвященных Богданову работ <sup>6</sup> были склонны либо не замечать эту проблему, либо оправдывали неприязнь либералов личностными качествами Богданова, обвиняя последнего в тщеславии, карьеризме, делячестве, желании выделиться, отсутствии интереса к занятиям наукой и пр. Но как тогда объяснить тот факт, что друзей, учеников и преданных помощников у него было ничуть не меньше, если не больше, чем критиков? Без их помощи Богданову вряд ли бы удалось осуществить свои масштабные просветительские проекты, тем более что это были частные мероприятия и государство их не финансировало.

Богданов был одной из самых ярких и оригинальных фигур в истории русского естествознания второй половины XIX в. и одним из типичных представителей формирующегося гражданского общества. Ученик выдающегося русского натуралиста К. Ф. Рулье (1814–1858), после смерти своего учителя он унаследовал от него кафедру зоологии на физико-математическом факультете Московского университета и руководил ею до конца жизни. Одновременно он более тридцати лет занимал пост директора университетского Зоологического музея. Наибольшую известность Богданову принесла его научно-организационная и популяризаторская деятельность. Среди его главных достижений – организация Комитета акклиматизации животных и растений при МОСХ и проведение акклиматизационных выставок (1858, 1863, 1878 гг.), которые позволили собрать средства на создание и последующую финансовую поддержку Московского зоосада, создание ОЛЕАЭ, проведение с его помощью в Москве ряда научных выставок (Этнографической в 1867 г., Политехнической в 1872 г., Антропологической в 1879 г. и др.) и основание новых публичных музеев – Дашковского этнографического и Политехнического. И это далеко не полный перечень сделанного им <sup>7</sup>.

Богданову удавались удивительные вещи. Например, в середине 1860-х гг. он увлекся физической антропологией – наукой, делавшей тогда свои первые шаги и тесно связанной с эволюционным учением Ч. Дарвина, – и решил заняться популяризацией антропологических идей в России. Трудно

---

<sup>6</sup> Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры. М.: Географгиз, 1950. С. 236–255; Райков Б. Е. Анатолий Петрович Богданов // Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 203–467; Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007 и др.

<sup>7</sup> К сожалению, до сих пор вклад Богданова в развитие науки в России остается недооцененным, хотя в последнее время интерес исследователей к его деятельности заметно вырос. См. например материалы первых Богдановских чтений, организованных Зоологическим музеем МГУ: Любил Россию, Университет, Науку (посвящение А. П. Богданову) / Ред. Н. Н. Спасская, И. Я. Павлинов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015 (Зоологические исследования. № 18).

представить, как он смог обойти церковные запреты, цензуру и пр., однако он не только провел в Москве Антропологическую выставку, но и добился основания на физико-математическом факультете Московского университета первой в России и одной из первых в Европе кафедр антропологии с музеем при ней <sup>8</sup>.

Казалось бы, либералы должны были поддерживать Богданова, однако они критиковали все, что тот затевал, да еще и обвиняли его в аморальности. Даже основанное им Общество любителей естествознания они окрестили «Обществом губителей естествознания» и объявили его деятельность вредоносной для отечественной науки. И это при том, что ОЛЕАЭ было первым в России научным обществом, последовательно проводившим принципы демократизма: его членом мог стать любой человек вне зависимости от социального положения, пола, возраста, образования, религиозных воззрений <sup>9</sup>, а Первый съезд русских естествоиспытателей (конец декабря 1867 г. – начало января 1868 г.) ходатайствовал перед министром народного просвещения «об учреждении при всех университетах ученых обществ, подобных существующему при Московском университете Обществу любителей естествознания, доказавшему своею деятельностью, каких успешных результатов могут достигнуть подобные учреждения, посвящающие себя местным исследованиям» <sup>10</sup>.

Самым удивительным было выступление либералов против двух международных научных конгрессов: по зоологии и по доисторической археологии, которые должны были состояться в 1892 г. и главным организатором которых было ОЛЕАЭ. В конце XIX в. такие конгрессы были делом относительно новым, но, как это происходит и в наше время, решение об их проведении в Москве было принято на предыдущих конгрессах (оба они проходили в Париже в 1889 г.). ОЛЕАЭ лишь ответило согласием на официальные обращения генерального секретаря Парижского международного конгресса доисторической антропологии и археологии Э. Т. Гами <sup>11</sup> и президента Парижского международного зоологического конгресса А. Мильн-Эдвардса <sup>12</sup>, направленные в Антропологический отдел и в Зоологическое отделение ОЛЕАЭ. Тем не менее в печати, особенно петербургской, была развязана кампания против конгрессов, их организаторов и в первую очередь против Богданова.

Но вернемся к истории научных обществ и зададимся вопросом, как эти важные и влиятельные научные институты потеряли свою значимость и превратились в формальные объединения ученых? Можно, конечно, объяснить это появлением новых, более эффективных, институциональных форм организации науки. Однако в Германии, например, и сейчас существует система научных обществ, осуществляющих научно-исследовательскую работу

---

<sup>8</sup> Krivosheina, G. Long Way to the Anthropological Exhibition: The Institutionalization of Physical Anthropology in Russia // Centaurus. 2014. Vol. 56. No. 4. P. 275–304.

<sup>9</sup> Об истории ОЛЕАЭ см.: Кривошеина Г. Г. «Общество губителей естествознания» или «Московская академия наук»? К 150-летию со дня основания ОЛЕАЭ // ВИАТ. 2013. № 4. С. 57–71.

<sup>10</sup> Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г. СПб.: Тип. Императорской АН, 1868.

<sup>11</sup> Эрнест Теодор Гами (1842–1908) – французский антрополог и этнолог.

<sup>12</sup> Альфонс Мильн-Эдвардс (1835–1900) – французский зоолог.

(Общество научных исследований им. Макса Планка, преемник Общества кайзера Вильгельма по развитию науки, Общество содействия прикладным исследованиям им. Фраунгофера и др.).

Русские научные общества активно помогали государству во время Первой мировой войны, однако революции 1917 г., Гражданскую войну и разруху пережили далеко не все. Так, в 1916 г. фактически прекратило свою деятельность ВЭО (официально оно было закрыто в 1919 г.)<sup>13</sup>, ОИДР формально существовало до 1929 г., но реально перестало работать в 1919 г. РГО лишилось значительной части своих функций по организации масштабных экспедиционных исследований (немногочисленные региональные экспедиции также вскоре прекратились) и превратилось по существу в клуб, где путешественники рассказывают о том, что видели: «После 1917 года проведение экспедиций становится прерогативой Академии наук, хотя подразделения общества и его видные члены участвуют в организации большинства из них [...] Советские арктические и антарктические экспедиции, как и дрейфующие научные станции “Северный полюс”, организовывались без участия общества, однако руководители экспедиций обычно выступали на собраниях общества с рассказом об итогах очередного сезона»<sup>14</sup>.

Остальные из упомянутых в книге обществ продолжали свою обычную работу, приспособляясь к требованиям советской власти и осваивая реалии новой жизни вроде социалистического соревнования, рапортовали об успехах в решении задач народного хозяйства. Но эта относительная свобода продолжалась недолго. Реформа научных учреждений, начавшаяся в 1929 г., коснулась и этих обществ. МОСХ и РТО были закрыты, правда, последнее вместе с другими техническими обществами было преобразовано в сеть самостоятельных отраслевых научных инженерно-технических обществ, построенных по территориально-производственному принципу. Они имели типовые уставы, в которых «обращалось внимание на необходимость тесной связи обществ с производством, а также контроля трудящихся за деятельностью обществ путем заслушивания их отчетов на собраниях рабочих коллективов»<sup>15</sup>. ОЛЕАЭ, одно из самых деятельных естественно-научных обществ, в 1930 г. по решению Наркомпроса РСФСР в целях «наибольшего и наилучшего концентрирования научно-общественных и культурных сил с целью максимального использования этих сил для активного содействия социалистическому строительству»<sup>16</sup> было слито, как и еще 20 университетских обществ, с Московским обществом испытателей природы, а последнее стало именоваться (правда, недолго) Всероссийским обществом испытателей природы. Скоро оно восстановило свое исходное название, но вернуть объединенные с ним общества было уже невозможно. Только Петербургскому обществу естествоиспытателей удалось вновь обрести самостоятельность, но сеть естественно-

<sup>13</sup> Современное «Вольное экономическое общество России», претендующее на преемственность с дореволюционным ВЭО, было создано в 1982 г. и первоначально называлось «Научное экономическое общество».

<sup>14</sup> Очерки деятельности Русского географического общества за 170 лет. 1845–2015. М.: Исполнительная дирекция РГО, 2015. С. 100.

<sup>15</sup> Филиппов. Научно-технические общества СССР... С. 64.

<sup>16</sup> Распоряжение Наркомпроса РСФСР от 16/1 1930 // Архив МОИП. 1933. Д. 1244. Л. 14.

научных обществ, игравших заметную роль в исследовании природы России, была разрушена.

Главной целью реформы научных обществ была унификация их деятельности и ужесточение государственного контроля, а основная идея может быть выражена формулой «одна наука – одно общество». По существу реформа была направлена на разрушение уникальной и прекрасной своим разнообразием системы научных обществ, сложившихся в царской России, и создание единообразных бюрократических структур, которые, с одной стороны, хорошо приспособлены для идеологического контроля и проведения в жизнь линии партии, а с другой – при необходимости могут служить парадной витриной научных достижений государства.

В заключение хотелось бы отметить, что книга Брэдли дает возможность по-новому взглянуть на вроде бы знакомую нам историю российской науки и отрешиться от привычного конфронтационного подхода и деления научных деятелей на хороших, «прогрессивных» и плохих, «ретроградов». Все герои книги, как и сами научные общества, даже сотрудничая с «царскими властями», работали на благо страны и на ее совершенствование. И еще хотелось бы отметить раздел, посвященный Политехнической выставке 1872 г. и созданию Политехнического музея, – на время написания книги это было, без преувеличения, самое лучшее и самое полное описание их истории.

Однако без замечаний обойтись все-таки не удастся. В тексте встречаются некоторые ошибки, связанные как с недосмотром редактора и дефектами перевода (хотя книга в целом переведена неплохо – в наше время, к сожалению, так случается далеко не всегда), так и с некоторыми историческими неточностями. Например, в Московском университете не было факультета геологии и минералогии (с. 243), а была аналогичная кафедра; в 1864 г. попечителем Московского учебного округа был не Н. Ф. Левицкий (с. 245), а генерал-майор Д. С. Левшин. Но это мелочи, которые, как я надеюсь, будут исправлены в следующем издании книги.